

УДК 327(510+520+470)

DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).62-75

«Дряхлый Восток заставил говорить о себе...»: Китай и Япония на страницах газеты «Восточное обозрение» в последней четверти XIX в.

Е.В. Севостьянова

Читинский институт Байкальского государственного университета
Чита, Российская Федерация

Дата поступления:

13.06.2019

Дата принятия к печати:

19.08.2019

Дата онлайн-размещения:

3.10.2019

Аннотация. В статье рассматриваются основные сюжетные линии и образы Китая и Японии в конце XIX в., которые моделировала и транслировала читающей публике одна из наиболее авторитетных газет Сибири «Восточное обозрение». Выбор газеты для анализа обусловлен тремя факторами: ее восточной направленностью, растущими тиражом и популярностью, участием в создании контента известных ученых, путешественников, общественных деятелей. По мнению редакции газеты, для российской окраины на границе Азии «в интересах этой самой окраины не мешает узнать соседние страны», тем самым «расширить горизонты», «отрешиться от шаблонного предубеждения и боязни упрека в азиатстве». Материалы о Китае и Японии присутствовали почти в каждом номере, что свидетельствует о неизменном интересе газеты к восточным соседям Российской империи. При общем европоцентризме отношения к Японии и Китаю сохранялась дихотомия по нескольким сюжетным линиям: боевой и реформаторский потенциал, роль в международной политике. В зависимости от исторических обстоятельств усиливались те или иные черты, зачастую гипертрофируясь в массовом сознании или, наоборот, «растворяясь» в обобщенных образах и стереотипах восточного (азиатского) мира. Дихотомия двух образов Востока — прогрессивная, динамично европеизировавшаяся Япония и застывший, упрямый в своем консерватизме Китай — стала устойчивым стереотипом для «Восточного обозрения». Правительство Японии и правительство Китая противопоставлялись и по реформаторскому потенциалу, и по методам управления. Военный, политический, гражданский опыт представителей японской власти газета в целом оценивала более комплиментарно, чем китайских правителей и чиновников. Газета не моделировала и не транслировала образ врага, но учитывала потенциальную геополитическую опасность восточных соседей.

Ключевые слова. Китай, Япония, Россия, образ, «Восточное обозрение», японо-китайская война, Восток.

“衰弱的东方迫使谈论自己……”：中国和日本在报纸“东方评论”的文章在十九世纪的最后一个季度

Sevostyanova Ye.V.

赤塔分院

贝加尔国立大学

赤塔, 俄罗斯联邦

摘要. 这篇文章探讨了日本和中国在十九世纪末的主要情节线和形象，西伯利亚最权威的报纸之一“东方评论”制作并向读者传播了这些。用于分析的报纸的选择取决于三个因素：它的东方方向，增长的发行量和知名度，以及参与创建知名科学家，旅行者和公众人物的内容。

结稿日期：2019年6月13日
出版日期：2019年8月19日
网上出版日期：2019年10月3日

报纸编辑认为，对于亚洲边境的俄罗斯边疆“为了边疆的利益，不妨碍了解邻国”，从而“扩大视野”，“摒弃对亚洲的成见和恐惧”。几乎每期都有关于中国和日本的材料，这表明该报对俄罗斯帝国东部邻国的持续兴趣。在普遍欧洲中心论的关系对中国和日本以几个情节线保持着二分法：战斗和改革的潜力，在国际政治中的作用。按照历史情况，某些特征在大众意识中往往表现过度，或者相反，在东方（亚洲）世界的综合形象和定型观念中“消失”。东方两中形象的二分法——日本的进步，充满活力的欧洲化，中国的保守主义已成为“东方评论”的一个稳定的陈腐观念。日本政府和中国政府在改革能力和管理实践方面的立场相比。该报既没有模拟也没有传播敌人的形象，但考虑到了东部邻国的潜在地缘政治危险。

关键词。 中国，日本，俄罗斯，形象，“东方评论”，甲午战争，东方。

«The Shriveled Orient Made All Talk about Itself...»: China and Japan in Columns of the Newspaper «Vostochnoye Obozreniye» in the Last Quarter of 21th Century

Sevostyanova Ye.V.

Chita Institute of Baikal
State University,

Chita, Russian Federation

Received: June 13 2019

Accepted: August 19 2019

Available online: October 3 2019

Abstract. The article examines the main plotlines and images of Japan and China in the end of 21th century which were modelled and translated to the reading public by one of the most accredited Siberia's newspaper «Vostochnoye Obozreniye» («Oriental Review»). The choice of the newspaper for the analysis is determined by three factors: its oriental trend, growing print run and popularity, participation of famous scientists, travelers, public figures in creating the content. In the newspaper editorial board, for the Russian periphery at the Asian border «in the interests of this very periphery it never hampers to learn the neighboring countries,» thus «increasing the horizons», “to renounce the hackneyed prejudices and the fear to be faulted for Asian barbarism». Materials about China and Japan were present almost in each issue, which testifies the newspaper's permanent interest in the oriental neighbors of the Russian empire. With general eurocentrism of relations to Japan and China, a dichotomy was kept in regard of several plotlines: he militant and reformative potentials, the role in international policy. Depending on historical circumstances, some or other features grew stronger, often being hypertrophied in mass consciousness or, vice versa, «being dissolved» in generalized images and stereotypes of the oriental (Asian) world. The dichotomy of the Orient's two images — the progressive, dynamically Europeanizing Japan and the fossilized, obstinate in its conservatism China — became a stable stereotype for «Vostochnoye Obozreniye», too. The government of Japan and the government of China were also contradistinguished in their reformative potentials and methods of governance. In general, the newspaper assessed the military, political, civil experience of the Japanese authorities more complementary than the Chinese governors and officials. The newspaper did not model and did not translate the image of the enemy but took into account the potential geopolitical danger of the eastern neighbors.

Key words. China; Japan; Russia; image; «Vostochnoye Obozreniye», Japanese-Chinese war; Orient.

Исторический опыт российско-китайского сотрудничества показывает, что он имеет не только позитивные, но и негативные черты, требующие анализа и обобщения, сегодня некоторые эксперты отмечают снижение позитивного образа Китая среди россиян [1]. Китайские и российские ученые не теряют интереса к исследованию образа Китая и Японии в российских СМИ, выделяя «ориентиры для формирования общественного мнения» [2]. Предметом исследования данной статьи являются основные сюжетные линии и образы Китая и Японии, которые моделировала и транслировала одна из наиболее авторитетных и массовых газет Сибири. Образы и стереотипы всегда существуют в культуре, но выполняют разные когнитивные функции. Образ более сложный, хотя и единый, но многослойный феномен. Стереотип схематизирован, нагружен эмоциональным отношением. Крысин Л.П., анализируя понятие «этностереотип» [3], рассматривает его как стандартное, характерное для большинства представление, условием формирования и существования которого является повторяемость, массовость, устойчивость. Со слов, вынесенных в заголовок статьи начиналась редакционная статья газеты «Восточное обозрение» после японо-китайской войны, оказавшей значительное влияние на образы двух стран, транслируемые не только сибирской и российской, но и заграничной прессой.

Выбор газеты для анализа обусловлен тремя факторами: ее восточной направленностью, растущими тиражом и популярностью, участием в создании контента известных ученых, путешественников, общественных деятелей.

Газета «Восточное обозрение» стала издаваться Н.М. Ядринцевым в Петербурге в 1882 г., в 1888 г. была переведена в Иркутск. В своем первом номере «Восточное обозрение», представляя публике программу издания и презентуя редакционную политику, обещало регулярно размещать «любопытные известия о событиях в азиатских странах», в том числе «хроники из официальной пекинской газеты», научные исследования, библиографию Востока, сведения о путешествиях¹. Читателю сообщалось, что содействие газете обещали лица, «известные своими трудами о Востоке»: В.П. Васильев, Г.Н. Потанин, И.Я. Фойницкий, Д.Н. Анучин, А.В. Адрианов, М.В. Певцов, И.С. Поляков и другие. В 1897 г. газета сообщала, что ее корреспондентский корпус составляли более 300 человек. И хотя большая часть публикаций не была подписана или подписывалась псевдонимами, имена корреспондентов были известны редакции.

В шестом номере 1882 г. газета сообщала, что, размещая статьи об азиатских странах, она не бо-

ится упрека в том, что упускает интересы Сибири. Напротив, для российской окраины на границе Азии «в интересах этой самой окраины не мешает узнать соседние страны», тем самым «расширить горизонты», «отрешится от шаблонного предубеждения и боязни упрека в азиатстве». Тираж газеты увеличивался, ее получали не только в губернских и уездных городах, но и в сельских поселениях. Например, в 1898 г. в Чечуйской и Преображенской волостях газету «Восточное обозрение» (выписывалось 9–10 экз.) обгонял по количеству подписчиков только «Сельский вестник» (14 экз.). Остальные издания выписывались в количестве 1–2 экз. [4].

Открывала первый номер газеты статья востоковеда В.П. Васильева «Восток и Запад», которую автор начал словами о том, что «понятие о Востоке до сих пор у большинства является крайне смутным» [5]. Отметим, что концептуальный спор о цивилизационной специфике, границах, историческом развитии Востока не закончен и в современной науке [6]. При всей неоднозначности понимания Востока, В.П. Васильев отметил и общую черту — в характеристики Востока и Запада «непременно» входят представления о высшей и низшей культуре. Европоцентризм стал устойчивой когнитивной характеристикой многих интеллектуалов второй половины XIX в. Современный исследователь Макаров В.А., анализируя паттерны описания Китая и Японии в общероссийской интеллектуальной печати в конце XIX-начале XX в., отмечает, что при всей разнице восприятия «двух Востоков» общим было уничижительное к ним отношение, их подразумевавшаяся «неполноценность», чуждость и угроза господству Европы. По мнению А.В. Макарова, в печати серьезный интерес к восточным соседям возник в период японо-китайской войны, тогда же главной линией разграничения образов двух стран стала дихотомия «прогресс против неподвижности» [7]. Понятие прогресса чаще всего связывали с техническими достижениями. Размышляя о прогрессе и взаимном влиянии двух цивилизационных типов, В.П. Васильев задавался вопросом о том, «останутся ли технические знания навсегда достоянием одного Запада?». Рассуждая о перспективах распространения достижений западной цивилизации, автор отмечал, что во второй половине XIX в. даже Китай, «который [...] высказывал отвращение и вражду» к взаимодействию с иностранцами, вынужден менять свое отношение к Европе. Автор приводил в пример факт, подчерпнутый им из пекинской газеты о том, что Китай отправил образцы найденной железной руды на экспертную оценку

в Англию. В отличие от своего консервативного соседа, Япония «уже давно с жаром бросилась в омут западной цивилизации».

В целом положительно оценивая перспективы усвоения технических достижений западной культуры, особенно при соединении их с восточным трудолюбием и дешевизной труда, В.П. Васильев все же утверждал: «чего не добиться Востоку — так это превосходства умственного» и творческого над Западом. Недаром изобретая компас, бумагу, книгопечатание, порох, карты; породив идеи о гуманности и «здоровые экономические понятия», Китай не нашел достаточно «жизненной энергии» чтобы в полной мере воспользоваться собственными достижениями.

Историческая динамика порождает не только теоретические изыскания, практические действия, но и полуфантастические глобальные проекты. Так, П.А. Бадмаев разработал и реализовал в Забайкалье проект издания первой газеты на русском и монгольском языках «Жизнь на восточной окраине» [8], создал первый проект трансмонгольской железной дороги. Будучи сторонником расширения влияния России в Восточной Азии, пытался реализовать невероятный план по включению в состав Российской империи Монголии, Тибета, Китая [9]. Деятельность П.А. Бадмаева оценивали по-разному его современники и исследователи. «Восточное обозрение» писало, что Бадмаев первым из русских занялся скупкой верблюжьей шерсти и бараньих шкур в Монголии, до него это делали только английские и немецкие коммерсанты. Автор «Читинских писем» в 1899 г., анализируя общественную деятельность в Чите, называл активность Бадмаева «несомненным будирующим фактором». Однако его газетный проект (с его «цивилизационной миссией среди народов Поднебесной империи») оценивал негативно не по цели, а по способам реализации. В результате газета «Жизнь на восточной окраине» «не пользовалась симпатией в Забайкалье», широкомасштабная программа ее издания «с треском провалилась».

На формирование образа страны всегда влияет множество факторов. В том числе, количество и качество непосредственных контактов населения. Согласно Всероссийской переписи 1897 г., китайцы, японцы и корейцы составляли 0,07 % (86 113 человек) населения России и большая их часть (60 761 человек) проживала в Сибири и на Дальнем Востоке². В 1890 г. в России прожи-

вали 603 японца, в 1895 г. — 1937 г., в 1900 г. — 3 953, а число въехавших в Россию в 1900 г. составило 5 819 человек. При этом в городах Сибири их проживали единицы. Так перепись 1897 г. зафиксировала в Иркутске троих, назвавший японский язык родным У трансграничных регионов Сибири и Дальнего Востока, с китайцами было больше непосредственных контактов, что стимулировало интерес к Китаю. [10].

Другим важным фактором является характер политического, экономического культурного взаимодействия. Во второй половине XIX в. Россия и Китай подписали ряд важных договоров, устанавливающих границы между ними и определявших ряд принципиально важных межгосударственных взаимодействий. Хотя граница оставалась проницаемой на многих участках, однако активная делимитация, демаркация и редемаркация пограничных рубежей определяли ее относительную устойчивость и определенность [11]. Ход пограничного размежевания, переселение на территорию России, обустройство на территориях, вернувшихся Китаю после Илийского кризиса — эти темы регулярно освещались в газете в 80-е гг. XIX в., вызывая общественный интерес.

Между Китаем и Россией активно развивалась торговля. Проводились научные изыскания. Газета размещала отчеты об экспедициях в Китай, материалы о лекциях ученых и путешественников. Когда в Иркутске 21 и 23 ноября 1887 г. Г.Н. Потанин читал лекции о своей китайской экспедиции 1884 г. (от Пекина до провинции Ганьсу), «зала музея была полна посетителями»³.

«Восточное обозрение» не раз отмечало, что приморские регионы Китая и «условия жизни в нем для нас, русских, составляют почти полную terra incognita» [12]. Поэтому большую статью газета посветила анализу отчета посла в Китае Д.Д. Покотилова «Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке». Аналитическую работу Д.Д. Покотилова, «феноменальную по богатству сведений» высоко оценивают современные китайские историки [13]. В Китае для иностранной торговли был открыт 21 порт, но, по мнению Покотилова, для русской торговли имели значение только 9. Тщательно проанализировав для каждого из девяти портов ввозную и вывозную торговлю, основные тенденции развития рынка, Д.Д. Покотиллов пришел к выводу, что положение России на рынках Китая не соответствует «ее возможностям и потребностям». Русская торговля приобрела преобладающее значение только в Ханькоу — центре чайной

² Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. 268 с.

³ Хроника // Восточное обозрение. 1887. № 1. 8 янв.

торговли в Китае, постепенно вытеснив оттуда англичан. В 1889 г. в Англию было вывезено чая 2 235 тыс. пудов, в Россию — 1 983 тыс. п. В 1893 г. соотношение это поменялось — в Англию было вывезено 1 358 тыс. п., а в Россию — 2 531 тыс. п [14]. В целом русская торговля с Китаем оставалась пассивной. По мнению газеты, «незначительность и бедность» ввоза были обусловлены несколькими причинами. Газета не раз писала о том, что нужно развивать торговые пути, открывать в Китае русские банки, наладить почтовую связь, развивать пароходное сообщение. Большие надежды для развития торговли газета связывала со строительством железной дороги, начало строительства которой, стимулировало не только торговые интересы, но и общественное внимание к Китаю. В целом сюжет о торговых отношениях с Китаем был постоянным на страницах газеты, создавал устойчивый образ давнего коммерческого партнера. Хотя оценки характера существующей торговли и коммерческих особенностей китайских купцов часто были негативными, но основная часть публикаций высоко оценивала перспективы развития торгово-экономических отношений, формируя образ Китая как крупного торгово-экономического партнера.

Для российско-японских отношений были характерны иные исторические особенности вплоть до середины XIX в. — отсутствие официального межгосударственного общения и отсутствие контактов на бытовом уровне. Представление о Японии почти исключительно основывалось на европейских источниках и подходах, по крайней, мере на уровне основной массы «образованного сословия». В.Э. Молодяков считает, что во второй половине XIX в. в европейском массовом сознании хронологически ассиметрично возникли два образа Японии — как живописной страны и как страны «желтой опасности». В России же оба этих образа сформировались гораздо позже и синхронно [15]. К концу XIX в. в западном мире сложился в целом комплементарный, но весьма поверхностный и романтизированный образ Японии [16]. Самостоятельная «японская тема» в российской периодической печати начинает выделяться с 80-х гг. XIX в., а на начало 90-х гг. приходится «отделение» Японии от остального «желтого мира».

Отметим, что представления российских интеллектуалов и прессы о Японии не были статичными и однородными. В зависимости от исторических обстоятельств усиливались те или иные черты, зачастую гипертрофируясь в массовом сознании или, наоборот, «растворяясь» в обобщенных образах и стереотипах восточного (азиатского)

мира. Так, противоречиво оценивал результаты модернизации Японии по европейскому образцу В.С. Соловьев: в публицистике начала 1890-х гг. он с воодушевлением отмечал прогрессивную роль европеизма на Востоке. Однако в своих последних произведениях отказал Японии в перспективе войти в состав западного мира [17]. Неоднородные представления и образы моделировала и провинциальная печать. Так, Э.А. Воробьева провела сравнительный анализ публикаций о японцах и Японии в период русско-японской войны на страницах двух либеральных газет — дальневосточной газеты «Дальний Восток» и западносибирской газеты «Сибирская жизнь» [18]. Обе газеты были солидарны в оценке геополитических амбиций Японии, писали о крайнем национализме, панмонголизме, агрессивности, одинаково высоко оценивали темпы модернизации в Японии после реформ 1868 г. Однако внутреннее содержание модернизации оценивали по-разному — дальневосточная газета считала, что усвоение европейской культуры было поверхностным и имело в промышленной сфере, в образовании больше негативных последствий, нежели позитивных результатов. «Сибирская жизнь» старалась сохранить объективность, даже академичность. Столь же контрастным был образ японцев, моделируемый и транслируемый газетами: более сдержанный в восточносибирской газете и нагруженный негативными чертами в дальневосточной.

Дихотомия двух образов Востока — прогрессивная, динамично европеизировавшаяся Япония и застывший, упрямый в своем консерватизме Китай — стала устойчивым стереотипом и для «Восточного обозрения». Победа Японии в японо-китайской войне 1894–1895 гг. усилила стереотипное представление и соответственно отрицательную коннотацию контента. В 1895 г. «Восточное обозрение» отмечало, что, относясь к Японии свысока, с «отеческой снисходительностью», Европа смотрела на нее как на «забавного ребенка, пока этот ребенок не доказал, что умеет драться не хуже взрослых». Наблюдая ее погоню за европейским просвещением и учреждениями, мы думали, что Япония играет и с жиру бесится, тогда как в ней происходил глубокий внутренний переворот, болезненный и тяжелый, — писал корреспондент.

Японо-китайская война 1894–1895 гг., стала, по мнению корреспондентов, катастрофичной для престижа и образа Поднебесной. Если в 80-е гг. из газетных сообщений Китай воспринимался как сосед, представляющий опасность, то война разрушила этот образ. Сам ход войны «потряс всех»,

«никак нельзя было ожидать событий, свидетелями которых мы стали», писало «Восточное обозрение». Общее мнение выразила японская газета, издаваемая в Тянь-цзине, в формуле — «Китай может сидеть и говорить, но не может подняться и действовать».

Корреспондент из Урги описывал, «печальную картину полнейшей деморализации в рядах китайской армии», «страшную» и «позорную трусость» и бегство как сухопутных, так и морских командиров, их «ложные доносы о своих победах», неумение их держать солдат в повиновении и оградить мирное население от беспорядков, которые творили солдаты [19]. Часть генералов были лишены чинов, но оставлены в армии для исправления своих ошибок, часть «позорно бежали от суда и вероятной казни». Ли Хунчжан был лишен «окончательно» всех чинов. Император грозит казнь, если генералы не проявят храбрость. Указом 8 февраля были разжалованы 59 уездных начальников «за нераспорядительность». Схваченного бригадного командира Вэй Жугуя обвиняли не только в отступлении, но и в том, что он «обращался жестоко со своими солдатами, к которым имел очень мало сострадания»; в отсутствии дисциплины в войсках, когда солдаты дошли до того, что стали грабить корейское население; в утаивании содержания солдат. Приговоренный к казни Гунь-чжао-юй откровенно заявил, что сражаться он не мог, «войск у него было мало и все вооружение состояло из 300 плохих ружей». Неудивительно, что Китай проигрывает сражение за сражением, резюмировала пресса.

С. Макито, анализируя перемены, произошедшие под влиянием войны, пришел к выводу, что опыт пережитого predetermined нормы общественной жизни Японии на годы вперед [20, с. 186]. По мнению С. Макито, правительство Японии, во главе с Ито Хиробуми было уверено, что Китай имеет больше шансов на победу. Китайский военный флот имел 82 судна общим водоизмещением 85 000 тонн, когда как японский — только 28 кораблей общим водоизмещением 59 000 тонн. Лучшие китайские корабли были построены под руководством германских инженеров, в китайском флоте служили иностранные офицеры. Потому, по свидетельству Н. Кладо, за событиями войны с особым интересом следили военные моряки: они ожидали как будут действовать флоты Китая и Японии, созданные европейцами и по европейскому образцу. Поскольку флот развивался и совершенствовался, не имея возможности проверки «на единствен-

но верном опыте — суровом опыте войны» [21]. За японо-китайской войной «с лихорадочным вниманием» следил вообще «весь образованный мир». Причин для такого пристального внимания было много. Европа опасалась, что конфликт выйдет за пределы локального военного столкновения. Российское правительство определялось со своими геополитическими планами. В 1895 г. специальную записку «О японо-китайской войне и задачах русской политики» подал Николаю II П.А. Бадмаев, предложивший план «мирного завоевания Монголией» [22, с. 348].

В целом Китай в изображении газеты был как «многомиллионный ровесник царю Гороху, такой же сказочный как сам царь Горох, говорит языком, которого сам не понимает, гордый, чванливый до нельзя, как завзятый азиат, со лбом самой чистой меди»⁴. Показательно желание корреспондента усилить дополнительно отрицательную коннотацию заключительного оборота. Во фразеологизме «медный лоб» кроме семантических признаков «тупой, ограниченный», четко выделяется дополнительный семантический признак «упрямый». Поэтому этот оборот употребляется по отношению к глупому и упрямому (бесмысленно упрямому) человеку, что усиливает его отрицательную оценку [23].

Не зная геополитических планов собственного правительства, «Восточному обозрению» оставалось только гадать о перспективах позиции России после японо-китайской войны. «Конечно, не из сострадания Россия поддержала Китай», а с определенным политическим расчетом, писал корреспондент. Одной из версий, озвученных в печати, было намерение России «в благодарность за заступничество» приобрести «часть Маньчжурии» и незамерзающего порта на Тихом океане, так необходимых для строительства сибирской железной дороги⁵. «Германские капиталисты в высшей степени были поражены», что Китай берет заем при участии Франции и России, участие которой для них «особенно нежелательно». Вообще участию России газеты придавали «огромное значение» и не только экономическое, но и политическое, «высказывая опасение», что роль России «сильно окрепнет»⁶.

По мнению С. Окамото, победа Японии имела несколько долгосрочных последствий. Прежде всего, привела «к фундаментальным переменам

⁴ Китай и Япония // Восточное обозрение. 1895. 4 янв. (№ 2).

⁵ Иркутск, 20 августа // Восточное обозрение. 1895. 20 авг. (№ 98).

⁶ Обзор заграничной жизни. Китай // Восточное обозрение. 1895. 9 июля (№ 80).

в отношении Японии к Китаю» и к формированию представления о том, что для успешного объединения стран Азии против Запада необходим союз с Китаем. Языковые средства выражения, которые использовали не только журналисты, но и иностранные дипломаты ярко демонстрировали отношение к Китаю: «старческая слабость китайского правительства», «отвратительное состояние войск», Китай «может говорить, но не может действовать».

Правительство Японии и правительство Китая противопоставлялись и по реформаторскому потенциалу, и по методам управления. Военный, политический, гражданский опыт представителей японской власти газеты в целом оценивали более комплиментарно, чем китайских правителей и чиновников.

Закрытость Китая и его высшей власти порождала порой самые фантастические слухи. Так один из авторов приводил в пример многие внутренние социальные проблемы Китая: гонения на людей талантливых и правдивых; расцвет взяточничества администрации и военных; «царство женщин и евнухов», полное равнодушие народа к совершающимся событиям⁷. «Коррупция и интриги сераля всегда считались неизбежной принадлежностью китайщины», но не были главной правящей силой как теперь. При прежних династиях камарильи, фавориты, сплетни, наушничество не мешали правителям выбирать дельных людей для управления, теперь же в управлении страной наблюдается кризис. Изредка в печать попадали скудные сведения о вдовствующей императрице. Обобщая публикации можно выделить те черты, которые ей приписывались наиболее часто: несомненный ум, хитрость, боязнь потерять власть, скрытность, коварство. В статье «Китай и Япония» автор писал, что императрица («говорят») очень изменчива в своих взглядах, «легко и быстро подпадает различным, часто совершенно противоположным, влияниям»⁸. Тогда как портрет императора Японии был более комплементарным. От сообщения о том, что он с целью экономии государственных средств и для примера своим подданным ограничил суточные расходы на императорский двор, до его попыток найти компромисс между правительством, партиями и парламентом.

Характеризуя главу японского кабинета А. Ямагата корреспондент писал, что ему удалось сделать блестящую военную и политическую ка-

рьеру. Он был «одним из главных деятелей реставрации светской власти», будучи министром внутренних дел принимал участие в создании административного управления, принимал участие в «русско-японской конвенции относительно корейских дел». Иностранцам был хорошо известен как главнокомандующий первого армейского корпуса, вступившего в пределы Китая в войну 1894–1895 гг.⁹. Под «корейскими делами» автор имел в виду то, что Ямагата представлял Японию на коронации российского императора и в июне заключил с министром иностранных дел России Лобановым договоренность, по которой обе конкурирующие державы получали равные права и привилегии в Корее [24]. Другой корреспондент приветствовал официально декларированное согласие «государственного человека» Ямагаты, который «основательно или нет считался до сих пор самым ярким реакционером», сотрудничать с либеральной партией¹⁰. В целом характеристики представителей власти отражали патриотизм и верность императору, а с другой стороны и определенную политическую гибкость. В портретировании чиновников и наместников Китая преобладали отрицательные черты: трусость, корыстолюбие, подчинение только силовому давлению, лживость. Индивидуальные характеристики были редкостью: наместник в Илийском крае, Ли Хунчжан.

Если китайские политические силы были раздроблены на непримиримых сторонников и противников реформ, которые никак не могли договориться между собой, то в Японии, при всех существовавших разногласиях (падение четырех министерств, роспуск двух составов парламента), политический консенсус был достигнут. Одним из консолидирующих факторов стала война 1894–1895 гг. На повестке дня стояли вопросы реформирования финансов, расширения международных отношений, увеличения налогов. Корреспондент назвал парламентскую сессию 3 декабря 1898 г. — 10 марта 1899 г. «самой плодотворной со времени существования конституционного правления в Японии». Показательным, по мнению корреспондента, было ассигнование из военной контрибуции Китая 30 млн иен на усиление морских сил, 35 млн на общественные работы на Формозе (железные дороги и гавани), 70 млн на покрытие убытков от естественных катастроф (наводнения, пожары, землетрясения), 10 млн на основание новых начальных школ,

⁷ Война на Востоке // Восточное обозрение. 1895. 10 февр. (№ 17-18).

⁸ Япония и Китай // Восточное обозрение. 1899. 12 авг. (№ 171).

⁹ Письма из Японии (пер. с рукописи) // Восточное обозрение. 1899. 2 марта (№ 46).

¹⁰ Письмо с Востока. Япония // Восточное обозрение. 1899. 3 июля (№ 115).

20 млн — для императорского дома, «что сделает возможным императору и императрице удвоить свои жертвования на красный крест и другие благотворительные учреждения».

Реформы оценивались в газете вполне благожелательно, но в публикациях до 1895 г. Китай (в силу ресурсов, территории) представлял как старший брат. В 1883 г. В.П. Васильев писал: благодаря европейскому «напряженному донельзю» давлению западной цивилизации в самом отдаленном уголке Азии зарождается новая жизнь. Япония доказывает, что может сделать азиатская держава, когда поймет несостоятельность той политической и умственной жизни, которой она руководствовалась» [25]. Япония опровергает ту «ложную теорию», которая распределяет «силу умственных способностей по расам»: страна за какие-то 20 лет почти «переродилась». Японцы не только сбросили с себя прежние халаты, но и завели телеграф, железные дороги, пароходы, признали европейские науки. Хотя Япония пока «еще самая незначительная и отдаленная часть Азии; она пока еще не так сильна, и богата, чтоб играть значительную роль в жизни всего мира. Потому «невольно обращаются от нее взоры к Китаю», который остается прежним. В.П. Васильев считал, что причин несколько: «гнет устройства жизни», замкнутость Китая и отсутствие обмена идеями с другими народами, «характер китайского образования и воспитания»; его «национальная слепота», «огромное самомнение». Все это не давало возможности усваивать идеи других, Китай был в «неведении относительно прогресса в других странах». В 1882 г. в редакционной заметке газета писала: «Настоящее азиатство и китайщина есть замкнутость в себя и ненависть всего чужеземного и инородческого»¹¹.

Через десятилетие акценты поменялись. В периодических статьях января 1895 г. газета утверждала, обе страны — Япония и Китай — «отличное оправдание европейской культуры», однако они демонстрируют два различных «отношения» к ней. Япония оказалась гораздо мобильнее в усвоении европейской культуры, поняв, что «история не ждет». В результате японцы за 40 лет «узнали все, до чего додумался остальной мир». Япония не подходила к заимствованию узкоутилитарно, она стала «выписывать не часы с музыкой и не опиум как китаец», а науку. Китай же соглашался брать пушки и ружья, но не идеи и учреждения: за 200 лет мы не видели ни одного китайца в европейской школе. Китай — «мандарины, со-

трудники Ли Хуньчжана, все сторонники Европы и ее пушек» — традиционно показал только «свою древнюю китайскую косность и чванство». Историческая справедливость требует отметить, что Китай урок извлек. В сентябре 1895 г. начальник таможи г. Тяньцзинь Шэн Сюаньху-ай в связи с приказом императора Гуан Сюй «Об укреплении страны» подготовил доклад с анализом проведенных в Японии успешных образовательных реформ и с обоснованием необходимости открытия университета в Китае. В октябре был открыт Бэйянский университет [26].

Нередко газета писала о стремлении японцев к получению высшего образования: в 1898 г. на 250 вакантных мест в императорском университете Токио было подано 2200 заявлений [27]. В 1898 г. дипломы получили 353 выпускника. А всего с момента основания университета было выпущено 3405 специалистов. Наибольший интерес привлекало право (950 выпускников), инженерное дело (775), медицина (619), агрикультура (436), литература (319), общие науки (306). Вручение дипломов в университетах и окончание учебного года в школах разных уровней проходили в торжественной обстановке с вручением наград, сопровождались литературно-музыкальными выступлениями учеников. Об отношении японских властей к университетскому выпуску говорило уже то, что на церемонии вручения дипломов выпускникам присутствовали министры, генералы, принц Фусими (Fushimi). Церемонию вручения дипломов в высшей коммерческой школе возглавлял министр просвещения, присутствовали профессора университета, президент коммерческой палаты. В столице Японии был открыт университет, ни в чем не уступающий американскому. Кафедры в нем заняты выдающимися немецкими профессорами, для чтения лекций по древней и новой литературе приглашены американцы и англичане. Появилось и много японских ученых, получивших высшее образование в Европе. Во всех больших городах за счет государства содержатся общественные школы, посещение которых стало обязательным. В Токио было открыто два училища правоведения, в которых преподавали на французском и английском языках, инженерное училище, при котором находится библиотека в 20 000 томов и обширная лаборатория.

В 1887 г. «Восточное обозрение» писало, что «европейская цивилизация вызвала в Японии коренные преобразования», коснувшиеся не только политического и общественного быта, но и традиционного покрова национальной японской одежды. Чиновники (которым это даже предписано) и «луч-

¹¹ 6 мая // Восточное обозрение. — 1883. — 6 мая (№ 6).

шая часть общества» одеваются по-европейски, «живописный японский костюм носят ... только простолюдины». Дамы «высшего круга», хотя и надевают национальный наряд «с удовольствием», но и они «мало-помалу» начинают появляться на больших светских балах в европейских бальных нарядах. Жены министров первыми перестали чернить зубы и брить брови, «их примеру последовали остальные женщины». Хотя в целом китайские и японские женщины не были частыми героями на страницах газеты, однако отдельные материалы позволяют сделать вывод о том, что японки были более прогрессивны. Молодая образованная японка Гираха, принявшая христианскую веру по евангелическо-лютеранскому обряду, посвятила себя миссионерской деятельности в Японии. Для получения «необходимых знаний» поступила в число вольнослушательниц в один из американских университетов на богословский факультет. О православной миссии газета писала несколько раз. В январе 1887 г. газета сообщала, что в распоряжение миссии в Японию явилась в качестве диаконисы, графиня Ольга Путятинна, дочь графа Путятинна, заключившего в 1853–1855 гг. трактат с Японией¹². О. Путятинна занялась просвещением девочек на основе программы русского епархиального училища.

Были и критические публикации о том, что хотя манеры и образ жизни населения Японии сделались европейскими, но большинство народа можно сравнить с населением судна без руля, которое сносит ветром: «говорят на плохом английском языке о действительных или воображаемых опасностях новых условий, которые бессильны предотвратить». Одним из таких этнических страхов пресса считала опасение вероятного наплыва иностранцев в Японию. Корреспондент приводил высказывание одной из японских газет о том, что единственное, чего нужно опасаться японцам — чтобы «их страна не была приравнена к Китаю или Корее» [28]. Некоторые обычаи нужно искоренить, как могущие навредить репутации Японии в глазах иностранцев: «что подумают иностранцы, если увидят из железнодорожного вагона фермеров или рыбаков, работающих в костюме Адама. Не будут ли сравнивать Японию с Южной Африкой».

Важной сюжетной линией публикаций были территориальные споры Китая и Японии и стремление расширить зону влияния в Корее. После начала восстания ихэтуаней в Китае возможные комбинации политических альянсов активно об-

суждались как провинциальной и столичной российской прессой, так и иностранными изданиями.

В 1882 г. «ВО» передавало размышления «North China Herald» о том, что у Японии, «по-видимому, два сильных союзника, которым она вполне верит» — США и Россия. Хотя Китай и Япония «по действительным требованиям своей политики» должны были бы вступить в союз, как оборонительный, так и наступательный «против страны, угрожающей обоим по своему могуществу и соседнему положению». «North China Herald» осуждала то, что Китай предпочел тратить деньги и время на спор из-за «ничтожной» и «совершенно бесполезной для него территории». И предупреждала, что если Россия «проникнет» в Корею, то станет «одинаково опасной, как для Китая, так и для Японии», да и другие иностранные государства «почувствовали бы сильное беспокойство»¹³. Однако две страны находились в состоянии недовольства внешней политикой друг друга и вместо союза против потенциального врага демонстрировали «резкое и явное» разъединение.

Вновь о возможном союзе Японии и Китая газета писала в 1899 г., теперь уже опасаясь его заключения. К началу 1900 г. слухи о союзе между Японией и Китаем «делались все упорнее»¹⁴. Президенту японской верховной палаты Конойе поручено было выработать проект союзного договора между двумя державами, главным тезисом которого было межправительственное согласование «по всем вопросам, возбуждаемым белыми расами». «Оба народа должны решительно противиться всяким новым уступкам в пользу белых рас. Торговля народов желтой расы должна пользоваться взаимными уступками». Газета придавала важное значение учреждению в Пекине военной академии, в которой будут преподавать японские офицеры. «National Zeitung» в подтверждение слухов приводила аргумент, что Япония возвратила Китаю взятые у него суда, правда при условии, чтобы офицеры и команды состояли из японцев. Другим «симптоматичным фактом» газеты посчитали договоренность о том, что инструкторами китайской армии будут отныне японцы, а «тех европейских инструкторов, которые еще состоят на китайской службе, решено уволить тотчас после истечения срока их контракта». Третьим аргументом было увеличение числа японских торговых агентов в Китае. И наконец, проектируемое, «а отчасти и приводимое в исполнение» увеличение числа японско-китайских обществ». Все свиде-

¹³ Вести с Востока // Восточное обозрение. 1882. 6 мая (№ 6).

¹⁴ Китай и Япония. Союз востока против Запада // Восточное обозрение. 1900. 28 янв. (№ 21).

¹² Хроника жизни за неделю. Заграничные известия // Восточное обозрение. 1887. 8 янв. (№ 1).

тельство о том, «как ретиво стремятся в Японии к распространению японского влияния в Китае» и как «предупредительно относятся к этому китайцы» — резюмировало «Восточное обозрение». Еще одним способом влияния считали открытие в Китае школы японского языка на 40 человек, заведывание которой поручено японцу

По заверениям корреспондентов, Япония стала противопоставлять себя Европе, позиционируя себя другом, а не врагом Китая. Японский посланник в Пекине Ямо, беседа в Токио с японскими журналистами по вопросу о союзе Японии и Китая, сказал, что китайское правительство «опять стало поддаваться чувству ненависти к иностранцам, с тех пор, как ему удалось дать отпор притязаниям Италии»¹⁵. Потому вдовствующая императрица «полагает по-видимому возможным избавиться от всех пришельцев». Япония же находится «совсем в ином положении»: китайцы «теперь прониклись убеждением, что несмотря на победы, и на развитие ее торговли и промышленности, Япония никаких неприязненных намерений против Поднебесной империи не имеет. Вот почему как китайское правительство, так и китайский народ одинаково желают протянуть руку Японии и обеспечить себе ее содействие». Японскому генеральному консулу в Шанхае приписывали «тайные политические интриги». Благодаря этому он перенес свою деятельность в Пекин, добился свидания со вдовствующей императрицей и «сумел ее убедить, что при нынешнем положении вещей Китай неудержимо стремится к распаду» и в этой сложной геополитической ситуации не может ждать «спасения» ни от одной европейской державы. Консул уверял императрицу, что Япония осознала свою ошибку в том, что в 1895 г. она вовлекла Китай в войну. По его уверениям, Токио согласится на оборонительный и наступательный союз против европейских держав. Пресса утверждала, что аргументы оказались убедительными: «только после этого императрица послала своих доверенных лиц в Токио для «формальных переговоров о союзе»¹⁶. «Всматриваясь» в деятельность японского правительства по отношению к Китаю, анализируя сообщения японской печати, П. Попов в статье «Япония и Китай в 1899 г.» опубликованной в «Вестнике Европы» писал, что Япония, имея «небескорыстные планы», обращается с Китаем дружелюбнее, чем

другие державы, и Китай со своей стороны больше доверяет Японии, чем Европе [29].

Сразу после окончания японо-китайской войны газета писала, что Япония, при ее «вековом антагонизме к Китаю», является для России «естественным союзником на Востоке». Китай будет ждать возможности для реванша. С Японией у России не было «еще ни одного столкновения» и входить с ней во враждебные отношения не в интересах России. Другим надежным союзником России газета посчитала Францию, полагая, что тройственный союз России, Франции и Японии может «на долгое время обеспечить спокойное и мирное развитие нашей далекой восточной окраины». Тогда как Китай «легко может оправиться и сделаться для нас опасным соседом»¹⁷. Однако к концу века газеты полагали, что японо-китайский союз направлен, главным образом, против России, влияния которой в Корею опасается Япония. Главная задача России — «парализовать влияние Японии на Китай, помешать ему сделаться континентальной Японией». Иначе многомиллионный, культурный Китай представит такую политическую и трудовую силу, которая сразу «перетянет центр тяжести самых крупных вопросов на востоке».

В связи с начавшейся политикой открытых дверей и восстанием ихэтуаней в Китае, Япония пыталась определить свою роль в международном раскладе сил. Япония — страна «наиболее заинтересованная во всех вопросах, касающихся Дальнего Востока», и при наличии сильного флота и войска («на которые нельзя не обратить внимания») она «имеет право и обязанность заставить выслушать и свой голос в решении китайского вопроса». И если Япония, будучи не в состоянии сохранить целостность Китая, будет принимать участие в его разделе, то «должна сделать это по возможности миролюбиво», «предохранив от ужасов и бедствий большой войны». Однако вопрос о том, «как разделить Китай без кровопролития» японская пресса оставляла без ответа, оставляя его «на внимательное изучение» японским дипломатам и «представителям других держав».

В целом, до начала XX в., откровенного формирования образа врага на страницах «Восточного обозрения» не было. Однако Китай с 80-х гг. и Япония с середины 90-х (после японо-китайской войны) воспринимались как «небезопасные соседи». Настороженность по отношению к Китаю отразилась в многочисленных публикациях об Илийском кризисе и ходе пограничного размежевания,

¹⁵ Китай и Япония. Союз Востока против Запада // Восточное обозрение. 1900. 28 янв. (№ 21) ; Иностранские известия. Китай и Япония // Восточное обозрение. 1899. 9 окт. (№ 217).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Иркутск. 23 апреля // Восточное обозрение. 1895. 23 апр. (№ 48).

в публикациях о тайных обществах в Китае и их попытках поднять восстание, об их расправах с европейскими миссионерами, о китайских хунхузах. Опасения в отношении Японии были связаны с ее стремлением к заключению политических альянсов после японо-китайской войны 1894–1895 гг. и в период борьбы с восстанием ихэтуаней в Китае.

Впрочем, эти же тенденции были характерны и для столичной печати. Так, Т.М. Кудрявцева рассматривала формирование образа Японии на страницах газеты «Русские ведомости» в период 1895–1902 гг и пришла к выводу, что редакция признавала потенциальную военную опасность, исходившую от Японии, однако не считала ее врагом России [30].

Список использованной литературы

1. Суходолов А.П. Экономические риски российской экономики и национальные интересы в треугольнике Россия — Монголия — Китай / А.П. Суходолов, И.Е. Козырская, Ю.В. Кузьмин // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование : материалы Междунар. Байкал. форума, г. Иркутск, 20–21 сент. 2018 г. / под ред. Е.Р. Метелевой. — Иркутск, 2018. — С. 395–402.
2. Дун Л. Образ Китая в российских СМИ / Л. Дун // Россия и Китай: на пути укрепления двустороннего сотрудничества : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–4 ноября 2017 г.) / под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. — Новосибирск, 2017. — С. 65–68.
3. Крысин Л.П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов / Л.П. Крысин // Встречи этнических культур в зеркале языка / отв. ред. Г.П. Нешименко. — Москва : Наука, 2002. — С. 171–175.
4. Севостьянова Е.В. Самоидентификация сибирской прессы во второй половине XIX в. и моделирование коллективных представлений о культурных нуждах Восточной Сибири / Е.В. Севостьянова // Региональная журналистика России / под ред. В.В. Тулупова. — Воронеж, 2013. — С. 129–147.
5. Васильев В. Восток и Запад / В. Васильев // Восточное обозрение. — 1882. — 1 апр. (№ 1).
6. Алаев Л.Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин versus Л.С. Васильев) / Л.Б. Алаев // Сравнительная политика. — 2012. — Т. 3, № 1. — С. 67–82.
7. Макаров В.А. Китай и Япония — два Востока (сопоставление паттернов описания Китая и Японии в российской интеллектуальной печати в конце XIX–начале XX вв.) / В.А. Макаров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д.В. Бурярова, Д.В. Кузнецова. — Благовещенск, 2014. — С. 87–91.
8. Кузьмин Ю.В. «Жизнь на восточной окраине» — первая газета в России на монгольском языке / Ю.В. Кузьмин, М.П. Рачков, А.П. Суходолов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 3. — С. 5–12.
9. Кузьмин Ю.В. Бадмаев и «тибетский вопрос»: характер отношений с Агваном Доржиевым и Гомбожабом Цыбиковым / Ю.В. Кузьмин // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура) : сб. науч. тр. — Иркутск ; Улан-Батор, 2015. — Кн. 4. — С. 238–244.
10. Дацышен В.Г. Японцы в Сибири (конец XIX — начало XX в.) / В.Г. Дацышен // Известия Восточного института. — 2004. — № 8. — С. 40–44.
11. Севостьянова Е.В. Делимитация российско-китайской границы в период с XVI века до 1917 г. / Е.В. Севостьянова, Е.А. Скобина // Gesis: исторические исследования. — 2018. — № 5. — С. 19–31.
12. П-въ И.И. Русская торговля на Дальнем Востоке / И.И. П-въ // Восточное обозрение. — 1895. — 30 июня (№ 76).
13. Цзайцы Л. Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу / Л. Цзайцы // Encyclopedica Revista De Istorie. — 2014. — № 1-2. — С. 197–204.
14. П-въ И.И. Русская торговля на Дальнем Востоке // Восточное обозрение. — 1895. — 2 июля (№ 77).
15. Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX — начала XX вв. / В.Э. Молодяков. — Москва : Ин-т востоковедения РАН. — 1996. — 184 с.
16. Павлов Д.Б. Япония на рубеже XIX–XX вв.: технология создания позитивного образа на Западе / Д.Б. Павлов // Ежегодник. Япония. — 2009. — № 38. — С. 235–259.

17. Малинов А.В. «... Сладкая приманка панмонголизма». Эсхатология национализма / А.В. Малинов // Соловьевские исследования. — 2018. — № 1 (57). — С. 6–20.
18. Воробьева Э.А. Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы русско-японской войны: сравнительный анализ / Э.А. Воробьева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2007. — № 1 (6). — С. 159–163.
19. Люба В. Вести с Востока. Урга / В. Люба // Восточное обозрение. — 1895. — 26 февр. (№ 24).
20. Лисицына А.А. 2012.02.045 Сая Макито Японо-китайская война и рождение японского национализма. Saya Makito. The Sino-Japanese War and the birth of Japanese nationalism. — Tokio : Intern. House of Japan, 2011. — 25. — 184 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2012. — № 2. — 184–194 с.
21. Кладо Н. Военные действия на море во время японо-китайской войны / Н. Кладо. — Санкт-Петербург : Тип. Морского мин., 1896. — 66 с.
22. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков / А.В. Ремнев — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2014. — 552 с.
23. Волобуева О.Н. Оценочный компонент в семантической структуре фразеологизмов интеллектуальной сферы / О.Н. Волобуева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 11. — С. 38–41.
24. Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне / С. Окамото. — Москва : Центрполиграф, 2003. — 317 с.
25. Васильев В.П. Современное положение Азии и китайский прогресс / В.П. Васильев // Восточное обозрение. — 1883. — 10 марта (№ 10).
26. Ху М., Карнаух Н.В. История развития форм организации учебного процесса в высшей школе Китая (с начала XX в. до 1960-х гг.). — Москва : ИНФРА-М, 2017. — 110 с.
27. Oulens P. Письма из Японии / P. Oulens // Восточное обозрение. — 1898. — 14 окт. (№ 121).
28. Oulens P. Письмо с Востока / P. Oulens // Восточное обозрение. — 1899 — 4 июля (№ 116).
29. Попов П. Япония и Китай в 1899 г. / П. Попов // Вестник Европы. — 1900. — № 6.
30. Кудрявцева Т.М. Образ Японии в газете «Русские ведомости» (1895-1902 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2011. — № 6. — С. 37–49.

References

1. Sukhodolov A.P., Kozyrskaya I.E., Kuzmin Yu.V. Economic Risks of the Russian Economy and National Interests in the Russia – Mongolia – China Triangle. In Meteleva E.R. (ed.). *Evrasiiskii integratsionnyi proekt: tsivilizatsionnaya identichnost' i global'noe pozitsionirovanie. Materialy Mezhdunarodnogo Baikal'skogo foruma, Irkutsk, 20–21 sentyabrya 2018 g.* [Eurasian Integration Project: Civilization Identity and Global Positioning. Materials of the International Baikal Forum, Irkutsk, September, 20–21, 2018]. Irkutsk, 2018, pp. 395–402. (In Russian).
2. Dun L. The Image of China in Russian Media. *Rossiya i Kitai: na puti ukrepleniya dvustoronnego sotrudnichestva. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Novosibirsk, 3-4 noyabrya 2017 g.* [Russia and China: on the Way of Strengthening Bilateral Cooperation. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, November 3-4, 2017]. Novosibirsk, 2017, pp. 65–68. (In Russian).
3. Krysin L.P. Linguistic Aspect of Studying Ethno-Stereotypes. In Neshchimenko G.P. (ed.). *Vstrechi etnicheskikh kultur v zerkale yazyka* [The Meeting of Ethnic Cultures in the Mirror of Language]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 171–175. (In Russian).
4. Sevostyanova E.V. Self-Identification of Siberian Press During the Second Half of 21th Century and Modelling of Collective Images of Cultural Needs in Eastern Siberia. In Tulupov V.V. (ed.). *Regional'naya zhurnalistika Rossii* [Regional Journalism Russia]. Voronezh, 2013, pp. 129–147. (In Russian).
5. Vasil'ev V. East and West. *Vostochnoye obozreniye = Eastern Review*, 1882, April 1, no. 1. (In Russian).
6. Alaev L.B. Two Newest Concepts of Oriental and World History (O.E. Nepomnin Versus L.S. Vasiliev). *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 67–82. (In Russian).
7. Makarov V.A. China and Japan as two Different faces of East (the patterns of description of China and Japan in Russian Intellectual Press on the Edge of 19-20 centuries). In Buyarov D.V., Kuznetsov D.V., Kireeva N.V. (eds). *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: cooperation history and prospects. Materials of the V International Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2014, pp. 87–91. (In Russian).

8. Kuzmin Y.V., Rachkov M.P., Sukhodolov A.P. «Life on the Eastern Edge» - the First Newspaper in Russia in the Mongolian Language. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2014, no. pp. 5–12. (In Russian).
9. Kuzmin Yu.V. Badmayev and “the Tibet Issue: the Character of Relations with Agvan Dorzhiyev and Gombozhab Tsybikov. *Rossiya i Mongoliya: novyi vzglyad na istoriyu (diplomatiya, ekonomika, kul'tura)* [Russia and Mongolia: a new Look at the History (Diplomacy, Economy, Culture)]. Ulan-Bator, Irkutsk, 2015, pp. 238–244. (In Russian).
10. Datsyshen V.G. The Japanese in Siberia (the End of the XIXth the early XXth cc.). *Izvestiya Vostochnogo instituta = Oriental Institute Journal*, 2004, no. 8, pp. 40–44. (In Russian).
11. Sevostyanova E.V., Skobina E.A. Delimitation of the China-Russia border since the XVI century until 1917. *Gesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical research*, 2018, no. 5, pp. 19–31. (In Russian).
12. P-v" I.I. Russian Trade in the Far East. *Vostochnoye obozreniye = Eastern Review*, 1895, June 30, no. 1. (In Russian).
13. Tszaitys L. The Tea Route and the Russian Community in Hankou. *Encyclopedica Revista De Istorie*, 2014, no. 1-2, pp. 197–204. (In Russian).
14. P-v" I.I. Russian Trade in the Far East. *Vostochnoye obozreniye = Eastern Review*, 1895, July 30, no. 77. (In Russian).
15. Molodyakov V.E. The Image of Japan in Europe and Russia in the Second Half of the XIX - early XX century. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 184 p.
16. Pavlov D.B. Japan at the Turn of the 20th Century: Technologies of Creating a Positive Image in the West. *Ezhegodnik Yaponiya = Yearbook Japan*, 2009, no. 38, pp. 235–259. (In Russian).
17. Malinov A.V. «... Sweet Baby of Pan Mongolism». Eschatology of Nationalism. *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*, 2018, no. 1 (57), pp. 6–20. (In Russian).
18. Vorobeva E.A. The Image of Japan and Nipponese in the Press of the Far East and Western Siberia During the Russo-Japanese War: a Comparative Analysis. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2007, no. 1 (6), pp. 159–163. (In Russian).
19. Lyuba V. News from the East. Uрга. *Vostochnoye obozreniye = Eastern Review*, 1895, February 26, no. 24. (In Russian).
20. Lisitsyna A.A. 2012.02.045 *Saya Makito Yaponno-kitaiskaya voina i rozhdenie yaponskogo natsionalizma*. [Saya Makito. The Sino-Japanese War and the birth of Japanese nationalism]. Tokio, Intern. House of Japan, 2011, 25. 184 p.]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyi zhurnal = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, 2012, no. 2, pp. 184–194. (In Russian).
21. Klado N. *Voennye deistviya na more vo vremya yaponno-kitaiskoi voiny* [Military Operations at Sea During the Russo-Japanese War]. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva Publ., 1896. 66 p.
22. Remnev A.V. *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia's Far East. The Imperial Geography of Power and Authority in the XIXth - Early XXth Centuries]. Omsk State University Publ., 2014. 552 p.
23. Volobueva O.N. Estimative Component in Semantic Structure of Phraseologisms in Intellectual Sphere. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2010, no. 11, pp. 38–41. (In Russian).
24. Okamoto D. *The Japanese Oligarchy and the Russo-japanese War*. New York, Columbia University Press, 1971. 232 p. (Okamoto D. *Yaponskaya oligarkhiya v rusko-yaponskoi voine*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 317 p.).
25. *Vostochnoye obozreniye = Eastern Review*, 1883, March 10, no. 10. (In Russian).
26. Khu M., Karnaukh N.V. *Istoriya razvitiya form organizatsii uchebnogo protsessa v vysshei shkole Kitaya (s nachala XX v. do 1960-kh. gg.)*. [History of Developing Forms of Teaching Process Organization in China's Universities (from Early 20th till 1960s)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 110 p.
27. Oulens P. Letters from Japan. *Vostochnoye obozreniye = Eastern Review*, 1898, Oktober 14, no. 121. (In Russian).
28. Oulens P. Letter from the East. *Vostochnoye obozreniye = Eastern Review*, 1899, July 4, no. 116. (In Russian).
29. Popov P. Japan and China in 1899. *Vestnik Evropy = Europe's Bulletin*, 1900, no. 6.
30. Kudryavtseva T.M. The Image of Japan in the Newspaper "Russkie vedomosti" (1895-1902). *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie = RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies.*, 2011, no. 6, pp. 37–49.

Информация об авторе

Севостьянова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт Байкальского государственного университета, Российская Федерация, Чита, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru.

有关作者的信息

Sevostyanova Ye.V. — 历史学副博士, 世界经济, 企业经营与人文科学部门的副教授, 赤塔学院, 贝加尔国立大学, 俄罗斯联邦, 赤塔, 电子信箱: sevostyanova.elena@mail.ru

Author

Yelena V. Sevostyanova — PhD in History, Associate Professor, Department of World Economy, Entrepreneurship and Humanities, Chita Institute of Baikal State University, Chita, Russian Federation, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru

Для цитирования

Севостьянова Е.В. «Дряхлый Восток заставил говорить о себе...»: Китай и Япония на страницах газеты «Восточное обозрение» в последней четверти XIX в. / Е.В. Севостьянова // Российско-китайские исследования. — 2019. — Т. 3, № 3. — С. 62–75. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).62-75.

For citation

Sevostyanova Ye.V. «The Shriveled Orient Made All Talk about Itself...»: China and Japan in columns of the newspaper «Vostochnoye Obozreniye» in the last quarter of 21th century. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 62–75. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).62-75. (In Russian).